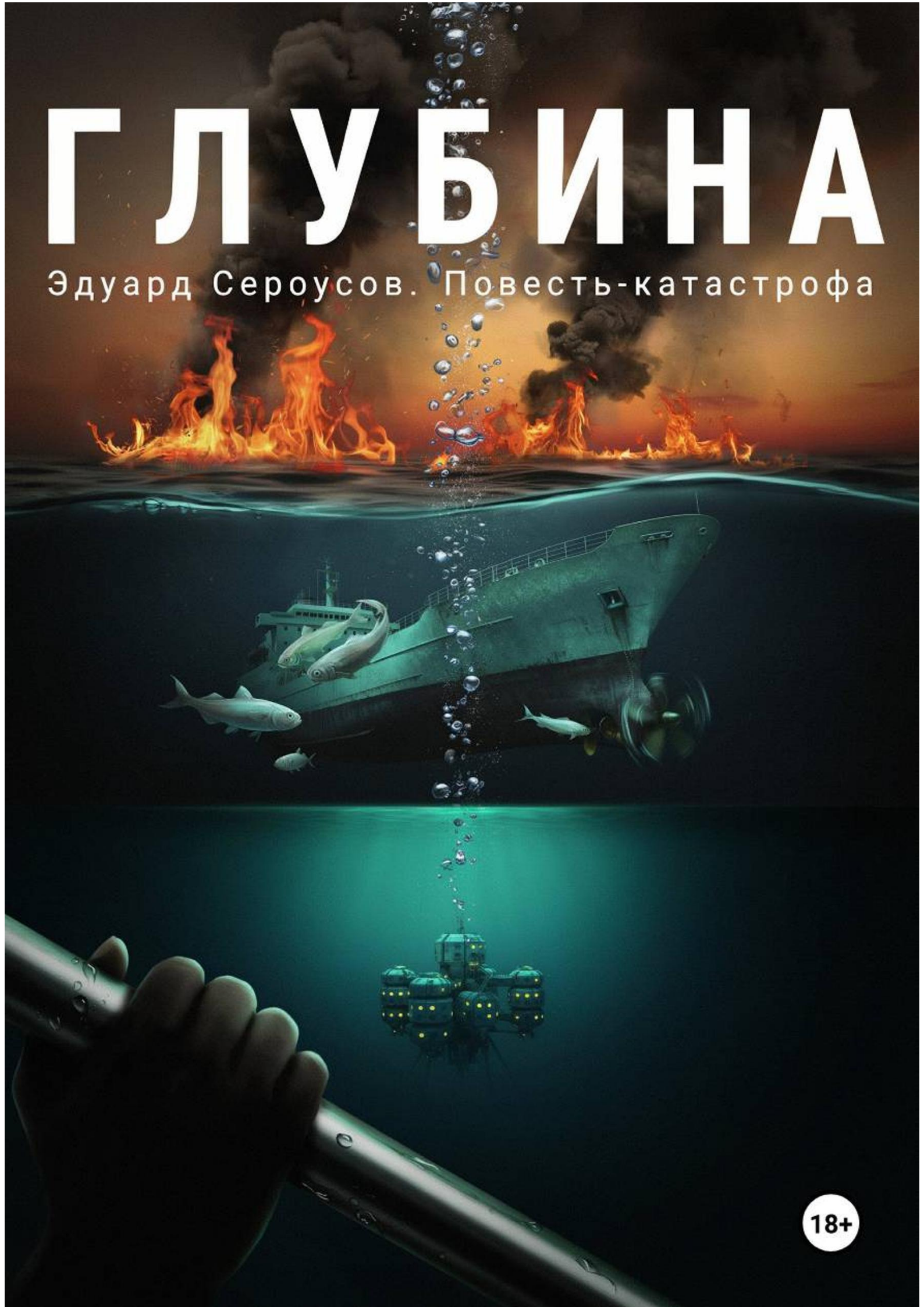

ГЛУБИНА

Эдуард Сероусов. Повесть-катастрофа

18+

Эдуард Сероусов

Глубина

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Глубина / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Глубоководная станция «Прометей-9» висит на дне моря в километре под поверхностью. Здесь живут трое: геофизик Нора Лэнг, её муж — инженер Элиас Восс, архитектор «чистого метода» добычи метангидратов, и стажёр Кай, который слишком хорошо читает данные. В четыре утра Нора замечает, что слепой долгохвост плывёт против течения, которого не должно быть. Через час из дна поднимается серебряный столб пузырей: пласт отдаёт газ сам, и фронт диссоциации движется по склону, питая сам себя. Локаут с берега блокирует глушение. Кай оказывается не тем, за кого себя выдавал. Повесть о цене молчания, о вере в построенное руками и о море, которое перестало держать.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Дыхание	5
Часть 2. Горючий лёд	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эдуард Сероусов

Глубина

Часть 1. Дыхание

1.1

Рыба плыла не туда.

Нора стояла у края купели и смотрела, как долгохвост — бледная, почти бесцветная тварь, какие живут там, где свет не доходил уже миллион лет, — медленно идёт против течения, которого здесь быть не должно.

Купель дышала зелёным. Проекторы под кромкой воды красили её изнутри в цвет бутылочного стекла, и в этом свете рыба казалась не существом, а помехой, дефектом изображения. Долгохвосты не плавают так. Они висят, экономя каждую калорию в воде, которая на километровой глубине стоит дороже всего на свете. Они не гребут. Они дрейфуют, как мысли усталого человека, и берут добычу тогда, когда она сама подходит к рыхлому, едва живому рту.

А этот грёб. Упрямо, головой вниз, забирая в сторону от тёплого выноса теплообменника — туда, где из палубы поднимался басовый, на грани слуха, гул несущей конструкции и где вода, по всем приборам, была на полтора градуса холоднее.

Нора смотрела на него дольше, чем стоило бы.

Было около четырёх. На «Прометее» не было утра и не было ночи — только вахта и невахта, только цикл ламп, которые в этот час светили вполне адекватно, имитируя сон для тел, давно забывших небо. Станция спала. Элиас спал, в двух переборках отсюда, дыша во сне глубоко и мерно, как дышат люди, уверенные, что заслужили свой отдых. Кай спал в каюте стажёра, новенький, чужой запах поверхности ещё не выветрился из его вещей. Триста сорок тонн стали, керамики и человеческой самоуверенности спали на дне моря, и только Нора и одна сбившаяся рыба бодрствовали в зелёном свете.

Она положила ладони на леер. Сталь была холодной — здесь всё было холодным, кроме людей и кофе. Руки у неё стыли всегда, даже в перчатках, даже летом, в той прошлой жизни, где ещё было лето. Элиас называл это «геология добралась до кровотока». Она грела пальцы о чужие кружки и о тёплые места его тела и считала это одной из мелких несправедливостей, на которых стоит брак: он горячий, она холодная, и оба делают вид, что это симметрия.

Долгохвост дошёл до тёмного угла купели, уткнулся в невидимую стену и заметался.

Нора знала это движение. Не у рыб — у приборов. Так ведёт себя датчик, когда поле, которое он мерит, перестаёт быть тем, чем было. Так дрожит игла, потерявшая опору.

Она сказала себе: термический артефакт. Микротечение от теплообменника, локальный градиент, рыба идёт по запаху, по следу растворённой органики, ничего, ноль, помеха в данных. Объяснение легло гладко, как ложится всякое объяснение, которое тебе нужно. Она даже наполовину поверила.

Пальцы сами нашли резинку в волосах — старую, истёртую, перетянутую узлом там, где она однажды лопнула. Нора стянула её и перевязала заново, ту же. Жест был такой привычный, что она его не заметила.

Рыба развернулась и пошла обратно — снова не туда.

1.2

— Ты не спала.

Элиас стоял в проёме камбуза, всклокоченный, тёплый со сна, и держал две кружки, как держат мир — за то место, где не обжигает. Одну протянул ей. Кофе был чёрный и крепкий до горечи; на станции не водилось молока уже три недели, и они оба делали вид, что так и любят.

— Смотрела купель. — Нора взяла кружку обеими руками и сразу ощутила, как тепло уходит сквозь стекло в её пальцы, не успевая их согреть. — Долгохвост вёл себя странно.

— Долгохвосты всегда ведут себя странно. У них депрессия. — Он сел напротив, и под ним скрипнул привинченный к палубе табурет. — Миллион лет в темноте, я бы тоже грёб не туда.

Она почти улыбнулась. В этом был весь Элиас — превратить тревогу в шутку прежде, чем она успеет назвать себя тревогой. Он делал это так давно и так ловко, что Нора порой не знала, кого он успокаивает — её или скважину, тикающую под ними.

Модуль был тёплым островом. За тонкой — на самом деле толстой, в две ладони, но против километра воды всё тонко — переборкой стояло давление, способное сплющить человека в монету за долю секунды, и стоял холод, и стояла тьма, древнее всякой жизни. А здесь горела жёлтая лампа, тикали системы, пахло кофе и тем тёплым, обжитым, чуть несвежим духом, который заводится везде, где люди живут слишком тесно и слишком долго. Это и был их дом. Не квартира на берегу, которую они почти не помнили, а вот эти восемнадцать модулей на дне — и одна спасательная капсула в шахте всплытия, которую за три года ни разу не расчехлили, потому что расчехлить её значило бы признать, что дом может перестать быть домом. Здесь брак держался на расписании вахт и на привычке двух тел обходить друг друга в узком коридоре, не задевая.

— «Тефия» вышла, — сказал Элиас. — Марч передала, идут по графику. Привезут фильтры, привезут почту. — Он отхлебнул. — И заберут нашего мальчика, когда стажировка кончится.

Марч водила «Тефию» к ним третий год. Нора знала её резкий смех и привычку обрывать связь без «конца связи» лучше, чем помнила лица половины людей с берега. Единственная живая ниточка наверх: раз в три недели голос в наушнике, привозивший почту и забиравший тоску. Нора поймала себя на том, что ждёт этот рейс не из-за фильтров.

«Нашего мальчика». Кай был на станции девятый день, а Элиас уже говорил о нём так. Он всегда быстро привязывался к молодым, в которых видел себя прежнего — голодного, верующего, готового спорить о термодинамике в четыре утра. Своих детей у них не было. Когда-то это была боль, потом тема, которую обходили, как обходят в коридоре, а потом просто факт ландшафта, вроде давления за стеной.

— Он толковый, — сказала Нора осторожно.

— Он больше чем толковый. — Элиас подался вперёд, и в нём зажглось то, что зажигалось всегда, когда речь шла о методе, о деле, о будущем. — Он видит конструкцию. Большинство стажёров видят приборы — кнопки, тренды, зелёное-красное. А этот видит, как одно держит другое. Видит напряжение в системе. — Он постучал костяшками по столу, дважды, коротко — этот жест жил в его руках помимо него, он стучал так по любой переборке, прежде чем за неё взяться, словно слушал станцию, как врач слушает грудь. — Из него выйдет инженер, Нора. Настоящий.

Она смотрела в свой кофе. На поверхности дрожала мелкая рябь — палуба чуть вибрировала, как вибрировала всегда, как вибрировал весь их мир от работы насосов глубоко внизу. Она знала эту вибрацию наизусть, как знают сердцебиение спящего рядом. И сейчас в ней было что-то — не громче, нет, тише, на полтона ниже, в самой подложке, — чему она не находила имени.

Она открыла рот, чтобы сказать про рыбу. Про датчик, который дрожит, потеряв опору. Про полтора градуса.

— Хочешь яичницу из порошка? — спросил Элиас. — Я научился. Почти как настоящая.

— Хочу, — сказала Нора и закрыла рот.

1.3

Шлюз цикловал с долгим вздохом, выравнивая давление между жилым кольцом и приборным, и из этого вздоха вышел Кай — уже одетый, уже с планшетом, уже улыбающийся той улыбкой, которая была на полградуса теплее, чем требовала ситуация.

— Доброе утро. — Он сказал это так, будто здесь бывало утро. — Я посмотрел ночные логи. У нас интересная картинка по сектору семь.

— У нас? — Элиас поднял бровь, но в голосе была ласка. — Девять дней, и уже «у нас».

— Виноват. — Улыбка не дрогнула. — У вас интересная картинка по сектору семь.

Нора подняла глаза от консоли. Сектор семь.

Кай сел к соседнему экрану — и сел так, как садятся не стажёры, а люди, привыкшие читать данные годами. Склонил голову набок, чуть-чуть, прижав ухо к плечу, будто прислушивался к тому, что показывала кривая. Нора знала этот наклон. Не помнила откуда, но знала — он зацепился в ней, как заноза, ещё в первый день, и с тех пор тихо саднил под кожей.

— Тренд диссоциации по семёрке за ночь подрос на четыре процента, — сказал Кай. — При том что активную добычу в семёрке ночью не вели. — Он повернулся к Элиасу, и в его лице была чистая, прозрачная любознательность. — Откуда газ, если кран закрыт?

— Остаточная разгрузка, — сказал Элиас легко. — Пласт после смены тяги ещё какое-то время отдаёт. Дышит. Это нормально.

— На четыре процента за восемь часов простоя?

— Бывает и больше.

— А ваша модель это закладывает? — Кай не отступал, но и не наступал — он спрашивал так, будто ему правда было интересно, будто на свете не было ничего важнее этого вопроса. — Самопроизвольный рост отдачи при нулевой тяге. Это в допущениях?

Элиас улыбнулся. Это была хорошая улыбка, терпеливая, улыбка учителя, который рад трудному ученику. Но Нора, прожившая с этой улыбкой пятнадцать лет, разглядела под ней то, что видела редко: крошечную, на долю секунды, заминку. Будто костяшка занеслась для стука — и не нашла переборки.

— Модель закладывает реальность, — сказал Элиас. — А реальность шире любой модели. В этом разница между инженером и теоретиком, Кай. Теоретик любит уравнение. Инженер любит то, что под ним. — Он встал, потрепал стажёра по плечу. — Пойдём, покажу тебе остаточную разгрузку живьём. У купели сейчас красиво.

Они ушли к приборному кольцу. Шлюз вздохнул и проглотил их.

Нора осталась перед экраном. Кривая сектора семь ползла вверх — медленно, упрямо, головой вниз, не туда. Она открыла архив, нашла старые данные по этому склону, своё собственное обследование двухлетней давности, и положила две кривые рядом. Палец завис над клавишей.

«Откуда газ, если кран закрыт».

Она поймала себя на том, что почти спросила мальчика, как звали его мать.

Мысль пришла из ниоткуда и была такой странной, такой не к месту, что Нора отёрнула от неё руку, как от горячего. Стянула резинку. Перевязала туже.

1.4

Купель выдохнула в 05:14.

Нора была одна у консоли, когда это случилось, — Элиас увёл Кая в дальний модуль, к насосной, и их голоса доносились оттуда ровным, безопасным гулом, гул учителя и ученика, гул мира, в котором всё ещё было хорошо.

Сначала был звук. Не громкий — глубокий. Так вздыхает большое спящее животное, переворачиваясь во сне: долгий, влажный, идущий из самого нутра выдох, от которого по подошвам босых ног — она скинула ботинки у консоли, привычка с берега — прошла дрожь палубы. Не вибрация насосов, к которой она привыкла. Другое. Чужое.

Нора встала.

На обзорном экране купель кипела.

Не вся — в одном углу, в том самом тёмном углу, куда уходил и откуда возвращался ночной долгохвост. Из глубины поднималась колонна. Серебряная, плотная, живая — мириады пузырьков, мелких, как ртуть, восходящих сплошным столбом, и вода вокруг них светилась зелёным и дрожала, и в этой дрожи всплывали кверху брюхом бледные тела. Долгохвосты. Бычки. Слепые, прозрачные твари глубины, которые миллион лет умели жить здесь и вдруг разучились за одно утро.

Палуба дрогнула снова, сильнее. Где-то звякнул незакреплённый предмет.

Нора смотрела на колонну пузырей. Холод, всегда живший в её пальцах, поднимался выше — к запястьям, к локтям, к горлу. Руки у неё стыли всегда. Сейчас стыло что-то под рёбрами.

Она вывела на экран сетку секторов, наложила её на купель, нашла координаты восходящей колонны.

Сектор семь.

Тот самый, что попрос за ночь на четыре процента при закрытом кране. Тот самый, что флагнуло её собственное обследование два года назад — обследование, которое потом легло в основу одного отчёта. Отчёта, о котором Нора не думала уже очень, очень давно и думать не собиралась.

Из дальнего модуля долетел голос Элиаса — он говорил что-то Каю, спокойно, с той же учительской теплотой, ещё не зная.

Нора стояла босиком на дрожащей палубе, на километровой глубине, в зелёном свете кипящей купели, и смотрела, как море начинает дышать.

И впервые за два года ей нечем было это объяснить.

Часть 2. Горючий лёд

2.1

Элиас положил ладонь на ствол и почувствовал, как тот дрожит.

Они стояли в насосной — он и мальчик. Сквозь палубу здесь выходила обсадная колонна скважины: толстая стальная труба в кулаке Элиаса, уходящая вниз — в осадок, в холод, в тот узкий, идеальный, выверенный мир давления и температуры, где спал горючий лёд. Он любил это место. Здесь его метод был не идеей, не презентацией, не строкой в годовом отчёте «Гелиоса», а металлом, теплом и дрожью. Здесь он мог положить руку и услышать, как работает то, что он построил.

Ствол всегда дрожал. Это была хорошая дрожь — мерная, рабочая, дрожь насосов, гонящих воду вниз и снижающих давление в пласте ровно настолько, чтобы лёд отдал свой газ и ни на йоту больше. В этой точности и была вся красота. Грязная энергия рвала землю. Метод Элиаса её уговаривал.

Он постучал по обсадке костяшками. Дважды. Привычка.

Дрожь была не та.

Он не мог бы сказать это словами, не сразу, — но руки его, прожившие двадцать лет на буровых, на чистых и на грязных, знали раньше головы. В этой мерной рабочей дрожи появилась подложка. Низкая, неравномерная, идущая откуда-то снизу и сбоку, не из трубы, а из самого осадка вокруг неё. Будто дрожала не машина, а земля под машиной.

— Доктор Восс. — Кай стоял рядом, читая манометр устья, склонив голову набок. — Устьевое давление падает.

— Так и должно. Мы держим депрессию.

— Падает быстрее уставки. — Мальчик не отрывал глаз от прибора. — И падало ночью. При закрытой тяге. Я смотрел логи.

Элиас убрал ладонь со ствола.

В прошлой жизни он работал на нефти. Двадцать лет рвал землю ради денег, которые казались смыслом, пока не перестали. Был пожар — большой, на крекинге, бело-оранжевый, ревущий. После него на левом предплечье остался бледный, гладкий, как пластик, ожог. А внутри — кое-что похуже: понимание, что он всю жизнь служил тому, что убивает. Горючий лёд стал его искуплением. Метангидраты — это была чистая энергия, газ без угля, мост в будущее, способ накормить голодный мир, не сжигая его. Он поверил в это всем тем, что осталось у человека после большого пожара. Он построил «Прометей». Он не мог — физически, телесно не мог — допустить, что построил ещё одну машину, которая убивает.

Поэтому, когда он сказал «так и должно», он не лгал. Он просто читал во льду то, что ему нужно было прочесть.

— Остаточная разгрузка, — сказал он. — Идём наверх, проверим купель.

— У купели сектор семь, — сказал Кай. — Я слышал, как доктор Лэнг встала. Что-то у неё на экране.

И тут палуба под ними дрогнула — не как машина. Как земля.

2.2

Связь с поверхностью на «Прометее» шла через ретранслятор на «Тефии» и дальше, на берег, в стеклянную башню «Гелиос Энерджи», где люди в сухих рубашках управляли тем, чего никогда не видели. Когда на пульте загорелся вызов оттуда, Элиас уже знал, что это плохо: оттуда не звонили просто так.

— Доктор Восс. — Голос был ровный, тёплый, отлично поставленный. — Это Хейл. Я из группы сопровождения инцидентов. — Маленькая пауза, в которой ясно слышался глоток.

Где-то за тысячу метров воды и сотни километров берега человек пил кофе. — У вас, я вижу, оживление по седьмому сектору. Расскажите, что происходит.

— У нас неконтролируемая разгрузка, — сказал Элиас. На экране, рядом с лицом Хейла — сухим, спокойным, немолодым, обрамлённым тёплым светом берегового офиса, — кипела купель. Контраст был почти непристойный. — Диссоциация растёт без активной тяги. Пласт отдаёт газ сам. Я хочу заглушить седьмую скважину и снять депрессию по всему кусту, пока не пойму, что это.

— Давайте не будем драматизировать. — Хейл сказал это мягко, почти ласково. — «Разгрузка» — это рабочий процесс. «Инцидент» — это бумаги. Пока у нас рабочий процесс.

— У меня рыба всплывает кверху брюхом в жилом модуле, — сказал Элиас. — Дайте авторизацию на глушение.

Пауза. Глоток.

— Видите ли, доктор Восс. — Голос не изменился ни на йоту. — Седьмая — это лучшая скважина куста. Она даёт больше, чем три соседние вместе. Останавливать её на основании... оживления... это серьёзное решение, и оно не на уровне станции. Система безопасности у вас сконфигурирована так, что глушение прибыльного актива требует подтверждения с берега. Это не я придумал. Это политика. — Ещё пауза. — Соберите данные. Через час созвонимся, и если картина подтвердится, я подниму вопрос о санкциях.

Элиас смотрел на сухое спокойное лицо.

— Через час, — сказал он, — здесь может не быть, с кем созваниваться.

— Не драматизируйте, — повторил Хейл. И отключился.

Элиас сидел перед погасшим экраном. Он впервые услышал — не понял, а именно услышал, телом, — что машина, которую он построил, имеет в себе ещё одну машину, поменьше и поподлее: ту, что спроектирована не давать себя остановить. Локаут. Слово было сухое, как рубашка Хейла. Он знал, что эта блокировка существует, — он подписывал документы, он даже одобрял её когда-то как «защиту от паники оператора». Теперь паника оператора стояла за стеной и кипела зелёным, а сухой человек пил кофе и говорил «не драматизируйте».

За спиной открылся шлюз. Вошла Нора. Босиком. Лицо её было таким, каким он не видел его никогда.

— Элиас, — сказала она. — Кран не закрывается.

2.3

Они стояли втроем перед главной консолью, и на ней горели две кривые.

Кай вывел их — диссоциация по седьмому сектору за последние шесть часов и прогноз метода Элиаса на те же шесть часов. Линии должны были идти рядом. Прогноз — это и был метод, это и была вера Элиаса, выраженная в математике: вот столько газа отдаст пласт при такой депрессии, не больше, потому что лёд устойчив, потому что мир устроен разумно, потому что он, Элиас, всё рассчитал.

Линии расходились.

Реальная ползла вверх круче прогноза, и угол между ними рос. Чем дальше, тем сильнее живой пласт обгонял модель — отдавал больше, быстрее, сам, без тяги, будто что-то внизу проснулось и теперь питало само себя.

— Лёд не лжёт, — сказал Элиас. Голос у него не дрогнул — но под ним, на самом дне, жила та же подложка, что весь день копилась в дрожи палубы. — Лёд отдаёт ровно столько, сколько ему позволяет давление. Если давление падает быстрее модели, значит, у нас механическая утечка. Трещина в обсадке, негерметичность пакера. Что-то локальное. Найдём — сварим.

— А если не локальное? — Кай говорил тихо, без вызова, почти бережно, и от этого было хуже. — Если ваш метод сделал ровно то, на что рассчитан, — снял давление локально, — но осадок над пластом оказался метастабильным? И теперь снятие давления в одной точке роняет

давление в соседней, а та роняет в следующей? — Он смотрел на кривые, склонив голову набок, ухом к плечу, как смотрят на знакомое. — Тогда это не утечка, доктор Восс. Это фронт. И ему не нужна ваша тяга. Он питается сам собой. Декомпрессия рождает диссоциацию, диссоциация рождает декомпрессию. Раз начавшись, он бежит, пока есть чем гореть.

В насосной за тремя переборками что-то застонало — глубокий, утробный, металлический стон осадка, оседающего под собственным весом, потерявшего опору, которую миллионы лет давал ему лёд.

Элиас медленно повернулся к мальчику.

— Откуда, — сказал он, — стажёр на девятый день знает слово «метастабильный осадок» и умеет строить фронт диссоциации?

Кай не ответил. Его рука поднялась к груди — Нора заметила это движение ещё в первый день, не понимая, — и легла на шнурок, уходивший под комбинезон. Под тканью угадывался плоский предмет. Мальчик сжал его сквозь ткань, как сжимают чужую руку.

Иней пополз по клапану на устье скважины.

2.4

Элиас принял решение раньше, чем додумал его, — телом, руками, двадцатью годами буровых.

— Глушу седьмую, — сказал он и пошёл к панели управления скважиной. — К чёрту авторизацию. К чёрту Хейла. Снимаю депрессию по всему кусту, поднимаю давление обратно, загоняю газ назад в лёд. — Он говорил на ходу, быстро, и в этой быстроте была надежда. — Подниму давление — фронт остановится. Льду нужно давление, чтобы быть льдом. Верну давление — верну лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.